

Покидая Мичиган в 1974 в двенадцатилетнем возрасте, всем своим друзьям я сказал, что переезжаю в Калифорнию, чтобы стать кинозвездой. Но как только я начал ездить на прогулки с отцом в его Nealy, подпевая попсе, звучащей по радио (что у меня не особо получалось), я объявил: "Я хочу стать певцом. Это то, чем я действительно собираюсь заниматься". Хотя я и сказал это, я не задумывался над этим обещанием в течение многих лет.

Я был слишком занят своей любовью к Калифорнии. Впервые в жизни я почувствовал, что это то самое место, где я должен быть. Здесь были пальмы и ветра Святой Анны, люди, на которых я любил смотреть и с которыми любил разговаривать, и время, которое я берег. Я открыл дружбу с отцом, которая крепла с каждым днем. Он считал, что это потрясающе, т.к. у него был молодой парень, который мог о себе позаботиться, и которого любили все его друзья и подруги. Я не беспокоил его по мелочам; если что, я всегда поддерживал его. Итак, дружба была взаимовыгодна. А я стремительно набирался новых впечатлений.

Некоторые из наиболее запомнившихся событий случились именно в маленьком доме отца на Палм Авеню. Он жил в одной половине дома, поделенного на две части. В доме была старая кухня и обои примерно 30-х годов. Там вообще не было спален, но мой отец переделал маленький чулан в спальню для меня. Она находилась в задней части дома, и мне приходилось проходить через ванную, чтобы попасть туда. Спальней моего отца была каморка: комната с тремя дверями, которые вели в гостиную, кухню и ванную. В комнате были симпатичные черные обои с большими цветами и окно, выходящее на задний дворик, изобилующий утренним великолепием.

Я жил там всего несколько дней, когда отец позвал меня на кухню. Он сидел за столом с хорошенькой восемнадцатилетней девушкой, с которой он тусовался всю неделю. "Хочешь покурить косяк?" – спросил он у меня.

Будучи в Мичигане, я бы сразу же отказался. Но пребывание в новой обстановке сделало меня авантюристом. Тогда отец вытащил объемную черную коробку от American Heritage Dictionary. Он открыл ее, она была заполнена марихуаной. Используя крышку как место для подготовки, он отсыпал немного "травы", позволяя семенам скатиться к краям крышки. Затем он вынул немного бумаги и показал мне, как скрутить идеальный по форме косяк. Ритуал показался мне увлекательным.

Он зажег косяк и передал его мне. "Будь осторожен, не вдыхай слишком много. Ты же не хочешь выплюнуть свои легкие", – посоветовал он.

Я сделал небольшую затяжку и вернул ему косяк. Он прошел по кругу несколько раз, и вскоре все мы улыбались, смеялись и чувствовали себя действительно расслабленными. И тогда я понял, что я под кайфом. Мне понравилось это чувство. Это было как лекарство, которое умиротворяло душу и пробуждало чувства. Не было ничего неловкого или пугающего – я не чувствовал, что потерял контроль, – наоборот, я чувствовал, что у меня все под контролем.

Затем мой отец вручил мне фотоаппарат Instamatic и сказал: "Я думаю, она хочет, чтобы ты сделал несколько ее снимков". Я подсознательно понимал, что некоторые участки тела будут выставлены на показ, и поэтому сказал ей: "Что, если ты снимешь блузку, и я тебя сфотографирую?".

"Хорошая идея, но я думаю, что будет более художественно, если она покажет только одну грудь", – сказал мой отец. Мы пришли к согласию. Я сделал несколько фотографий, и никто не почувствовал дискомфорта.

Итак, мое вступление в мир марихуаны было гладким, как шелк. Когда я курил в следующий раз, я был уже профи, крутя косяки с почти аналогичной аккуратностью. Но я не стал заикливаться на этом, хотя мой отец ежедневно курил марихуану. Для меня это было еще одним калифорнийским событием.

Моей первоочередной задачей той осенью стало поступление в хорошую среднюю школу. Предполагалось, что я пойду в Бэнкрофт, но когда мы пришли оформляться, то увидели, что здание находилось в районе с дурной репутацией и пугало разными видами бандитского граффити. Это место совсем не призывало: "Давай пойдем в школу и повеселимся". Поэтому мой отец повез меня в школу Эмерсон, которая находилась в Вествуде. Это было классическое калифорнийское средиземноморское здание с роскошными лужайками и цветущими деревьями, и американским флагом, гордо развевающимся на ветру. Плюс, везде, куда бы я ни посмотрел, были разгоряченные маленькие тринадцатилетки, прогуливающиеся в облегающих джинсах Ditto.

"Чего бы мне это ни стоило, я хочу учиться здесь", – сказал я.

Все, что потребовалось, это использование адреса в Бел Эйр Сонни Боно как моего домашнего адреса. Конни променяла моего отца на Сонни, который недавно разошелся с Шэр. Но все остались друзьями, и я познакомился с Сонни в свой предыдущий визит, он был хорош на выдумку, поэтому я поступил в школу.

Теперь мне было нужно найти способ добираться до школы. Если бы я пользовался городским автобусом, то получалась прямая линия, 4.2 мили по бульвару Санта Моника. Проблема была в том, что RTA бастовали. Мой отец определился со своим режимом: вставать поздно, ложиться поздно, быть под кайфом большую часть времени, круглосуточно развлекать женщин, – поэтому он не собирался быть мамочкой и отвозить и забирать меня из школы. Его решением стала купюра в 5 долларов на такси, оставленная на кухонном столе. Возвращение домой становилось моей задачей. Чтобы помочь с этим, он купил мне скейт Black Knight с деревянной доской и колесами из глины. Итак, я ездил на скейте или автостопом, или шел 4 мили до дома, исследуя Вествуд, Беверли Хиллс и Западный Голливуд.

Первый день в Эмерсоне почти закончился, а я так и не нашел себе друзей. Я забеспокоился. Все казалось новым и пугающим. Перейдя из маленькой школы на Среднем Западе, я не очень преуспевал в учебе. Но в конце дня у меня был урок искусства, и там же находился предполагаемый друг – Шон, чернокожий ребенок с ясными глазами и широкой улыбкой. Это был один из тех моментов, когда ты просто подходишь к кому-нибудь и говоришь: "Ты хочешь быть моим другом?". "Да, я буду твоим другом". Оп, вы друзья.

Ходить в гости к Шону было для меня приключением. Его отец был музыкантом, что было мне в новинку, отец, который идет в гараж, чтобы репетировать с друзьями. Мама Шона была настолько заботливой и любящей, насколько можно было представить, она всегда приглашала меня войти и предлагала разную экзотическую еду в качестве перекуса после школы. Я же вышел из мира, где никто не интересовался кухней. Мой кулинарный мир состоял из белого хлеба, Велвиты и говядины. Они ели йогурт и пили странную жидкость под названием кефир. В моем мире это были Танг и Кул-Эйд.

Но обучение – это двухсторонняя улица. Я научил Шона новому воровскому методу, который я изобрел в том семестре и назвал "Удар". Я выбирал жертву, шел ей на встречу и сталкивался с ней, убедившись, что попал на нужный мне предмет. Это мог быть бумажник или расческа, всякая всячина, обычно не превышающая по цене нескольких долларов, потому что это было все, что имели большинство детей.

Мое недружелюбное поведение не ослабло и в Эмерсоне. Любой, кто пытался мне противостоять любым способом, даже просто попросив уйти с дороги, в ту же минуту

получал от меня. Я был хилым парнем, но обладал хорошей реакцией, поэтому вскоре стал известен как парень, с которым не нужно связываться. К тому же, у меня всегда имелась хорошая история, чтобы избежать исключения из школы за драку.

Возможно, одной из причин того, что я не хотел, чтобы меня исключили, было мое нежелание разочаровать человека, который был положительным примером для подражания в моей жизни в тот период, – Сонни Боно. Сонни и Конни стали для меня вторыми родителями. “The Sonny and Cher Show” была тогда самой популярной телепередачей, и Сонни был щедр на уверения, что я получу любую заботу, какую только захочу. В его особняке на Холмбай Хиллс была комната для меня и внимательный персонал 24 часа в сутки, чтобы готовить все, что я захочу. Он заваливал меня подарками, как то: новомодные лыжи, лыжные ботинки, палки и костюм, поэтому той зимой я смог поехать кататься на лыжах с ним, Конни и Честити, дочкой Сонни и Шэр. Мы могли сидеть в кресле-качалке, и он рассказывал мне о своих приоритетах в жизни, которые отличались от приоритетов моего отца и даже от приоритетов Конни. Он был за прямоту и равенство. Я помню, как он учил меня, что единственной неприемлемой вещью является вранье. И не важно, буду ли я совершать ошибки или терпеть неудачи на пути, я должен быть честен с ним.

Однажды я был в его особняке на Бел Эйр во время голливудской звездной вечеринки. Мне не было дела до Тони Кертис, поэтому я начал ездить туда-обратно на старом резном деревянном лифте. Вдруг я застрял между этажами, им пришлось воспользоваться гигантским пожарным топором, чтобы освободить меня. Я знал, что попал в большую переделку, но Сонни не кричал и не унижал меня перед всеми теми взрослыми, которые наблюдали за спасением. Он просто тихонько преподавал мне урок, чтобы я уважал собственность других людей и не играл с вещами, которые для этого не предназначены.

Мне всегда не нравилось, что существуют какие-то нормы поведения, которые я должен соблюдать. Я был двенадцатилетним ребенком, которому было свойственно непослушание и нарушение всех правил.

Позже в тот же год, пока мы бродили вокруг дома, Сонни и Конни попросили меня приготовить им кофе. “Как насчет того, чтобы вы, ребята, сами сделали себе кофе?”. Я ответил немного дерзко, для меня не составляло труда приготовить им кофе, но казалось, что они помыкают мной.

Конни отвела меня в сторону. “Это недопустимое поведение, – сказала она мне. – Если ты будешь себя так вести, я скажу тебе «недопустимое поведение», и ты сразу поймешь, что тебе нужно пойти и подумать над тем, что ты сделал”. Да пошла она. Там, откуда я пришел, я мог делать все, что захочу. Я и мой отец превосходно ладили именно потому, что не было никаких правил и инструкций. Он не просил меня делать ему кофе, и я его об этом не просил. Там, откуда я пришел, существовало правило “заботься о себе сам”.

Я подрастал быстро, и это определенно было не по душе Сонни. Все чаще и чаще я был под кайфом, тусовался с друзьями, катался на скейте и совершал мелкие преступления. Если мне что-то запрещали, я сразу же делал это всем назло. Я стремился из всего получать выгоду, и это не нравилось Сонни. Поэтому мы отделились друг от друга, и меня это устраивало.

Соответственно, моя связь с отцом становилась сильнее и сильнее. Так только я переехал к нему, он тотчас стал образцом для подражания и моим героем, поэтому моей миссией было поддерживать нашу сплоченность. Это было также и его обязанностью. Мы были командой. И конечно, одним из связывающих нас событий стали путешествия с целью контрабанды марихуаны. Я стал его прикрытием для подобных поездок. Мы брали семь огромных чемоданов марки Samsonite и заполняли их марихуаной. В аэропорту мы переходили от одной авиалинии к другой, регистрируя эти сумки, так как в то время они

даже не смотрели, летишь ли ты этим рейсом. Мы приземлялись в нужном аэропорту, собирали все сумки и ехали в места типа Кеноши, Висконсин.

Во время нашего путешествия в Кеноши мы поселились в мотеле, потому что сделки моего отца занимали несколько дней. Я был непреклонен в том, что хочу пойти на стрелку с ним, но он имел дело с неотесанными байкерами, поэтому он отправил меня в кино, где шел новый фильм о Джеймсе Бонде, «Живи и дай умереть» ("Live and Let Die"). Сделка заняла более трех дней, поэтому я ходил на этот фильм каждый день нашего там пребывания, и это меня устраивало.

Нам пришлось возвращаться в ЛА с тридцатью штуками в кармане. Отец сказал, что я должен держать деньги при себе, так как если они возьмут парня вроде него со всеми этими деньгами, то его наверняка арестуют. Это меня устраивало. Я предпочитал участвовать в действии, чем сидеть на скамейке запасных. Итак, мы взяли пояс, наполнили его деньгами и привязали к моему животу. "Если они попытаются меня арестовать, ты просто исчезни, – проинструктировал он меня – Просто притворись, что ты не со мной, и продолжай идти".

Мы вернулись в ЛА, а позже я узнал, что мой отец получил только двести долларов за поездку, чтобы доставить "траву" для его друзей Уивера и Башары. Я также обнаружил, что он пополнял свой бедный доход устоявшейся суммой от растущего кокаинового бизнеса. В 1974 кокаин стал огромным бизнесом, особенно в ЛА. Мой отец был связан со старым американским эмигрантом, который поставлял кокаин из Мексики. Отец покупал кокаин, делил его и продавал своим клиентам. Он не торговал унциями или килограммами, только граммами, 500 мг и 250 мг. Но в течение нескольких дней бизнес начал разрастаться. Он начал толкать и куаалюд. Он рассказал доктору слезливую историю о том, что ему никак не удастся уснуть, и док выписал рецепт на тысячу куаалюдов, которые обошлись в четвертак за штуку, а рыночная цена составила четыре или пять долларов. Итак, между кокаином и людьми, это был достаточно доходный бизнес.

Отец никогда не пытался утаить от меня свой наркобизнес. Он ничего не рассказывал мне об этом, но я был его тенью и наблюдал за всеми его приготовлениями и сделками. В доме была маленькая, вроде моей спальни, комната за кухней. Из нее дверь вела на задний дворик, там мой отец и устроил свою лавочку.

Центральное место среди его наркотических атрибутов, находящихся в задней комнате, занимали тройные весы с чашками, которые приносили больше пользы в нашем хозяйстве, чем тостер или миксер. Рабочим блюдом и подносом для наркотиков ему предпочтительно служила зелено-голубая мексиканская кафельная плитка, идеально квадратная и плоская. Я видел, как он делит кокаин и фильтрует его, а затем берет немного итальянского слабительного "Mannitol" и мельчит его через то же сито, что и кокаин, чтобы оно имело такую же консистенцию. В итоге было важно убедиться, что кокаин смешан с соответствующим количеством слабительного.

В лавочку заглядывало множество людей, но не настолько много, как вы можете подумать. Мой отец был довольно осторожен в своих делах и знал, что с увеличением активности возрастет и риск. Но недостаточное количество клиентуры возмещалось ее качеством. Среди покупателей было достаточно кинозвезд, телезвезд, писателей и рокзвезд, и масса девочек. Однажды мы даже удостоились визита двух знаменитостей из Oakland Raiders накануне Супер Кубка. Они пришли довольно рано, около 8 или 9 вечера, и, сидя на самодельной мебели и глядя глупо и трусливо на околачивающегося вокруг ребенка, смотрелись проще, чем обычная клиентура. Но все сработало. Они получили наркотики, ушли и на следующий день выиграли Супер Кубок.

Что во всем этом немного напрягало, так это ночные сделки. Именно в такие моменты я видел, до какого отчаяния могут довести наркотики. Я не осуждал это; это было больше похоже на "О, парень действительно хочет этот чертов кокаин". Один парень, ненасытный любитель всякого мусора, был братом известного актера. Он заходил

каждый час вплоть до шести утра, тряся, пытался договориться или сжульничать и кормил обещаниями. Как только он стучал в дверь, мой отец выбирался из кровати, и я слышал его вздохи: "О нет, снова он".

Иногда отец даже не открывал дверь, а разговаривал с людьми через окошко. А я лежал в кровати и слышал: "Слишком поздно. Убирайся к чертовой матери. В любом случае, ты задолжал мне слишком много. Ты попал на две сотни двадцать долларов". Мой отец вел список тех, кто ему должен. Я просматривал этот список и слышал его слова: "Если бы я только мог заставить заплатить всех, кто мне должен, у меня была бы вся эта сумма".

Было нелегко убедить меня, что мы жили неправильно, особенно по выходным, когда отец брал меня потусоваться в ночном клубе, где он был известен как Бог Сансет Стрип. (Он был также известен как Паук, это прозвище появилось в конце 60-х, когда мой отец взобрался по стене здания в квартиру девушки, на которую он запал).

В начале 70-х Сансет Стрип была жизненно важной артерией, которая проходила через весь Западный Голливуд. Улица была постоянно заполнена людьми, болтающимися между лучшими клубами в городе. Там находились «Whisky a Go Go» и «Filthy McNasty's». В двух кварталах от «Whisky» был «Roxу», еще один клуб с живой музыкой. За стоянкой «Roxу» размещались «Rainbow Bar» и «Grill». «Rainbow» был территорией Паука. Каждую ночь около 9 он появлялся там и встречался со своим отрядом - Уивером, Конни, Башарой и другими, постоянно меняющимися, личностями.

Подготовка к ночному выходу составляла некий ритуал для моего отца, т. к. он был очень дотошным по отношению к своему внешнему виду. Я сидел и смотрел, как он прихорашивается перед зеркалом. Волосок должен лежать к волоску, одеколон должен быть нанесен в верном количестве. Затем он надевал облегающую футболку, вельветовый пиджак и платформы. В итоге, мы пошли к портному, чтобы сшить такую же одежду для меня. Вот что такое подражание отцу.

Частью ритуала было набрать нужную высоту для хорошего начала ночи. Очевидно, что большую часть наркотического коктейля он приберегал для поздней ночи, но он не хотел уходить из дома без соответствующего начального кайфа, который обычно составляли алкоголь и таблетки. У него имелись куаалюды и Placidyl, которые служили для замедления реакции. Когда ты смешиваешь их с алкоголем, стоящий рядом парень замедляет движение. Но мой отец предпочитал Tuinals.

Когда я выходил с ним, он наливал мне небольшой стакан пива. Затем он разламывал капсулу с Tuinal'ом. Т.к. порошок был ужасен на вкус, он нарезал банан и засыпал туда Tuinal. Он забирал часть, в которой было больше порошка, а мне отдавал порцию поменьше. И мы были готовы к выходу.

Наш королевский прием начинался как только мы подходили к двери «Rainbow». Тони, метрдотель клуба, приветствовал моего отца так, будто он был самым важным клиентом Стрип. Конечно, стодолларовая купюра, которую отец вручил ему, как только мы вошли, не повредила. Тони проводил нас к столику моего отца - престижный столик, прямо напротив огромного камина. С этой выгодной позиции можно было увидеть любого, кто приходит в клуб, или выходит из «Over the Rainbow», ночного клуба в этом клубе. Мой отец был невероятным собственником. Если человек, который не прошел его осмотр, присаживался за столик, Паук приставал к нему: "Как ты думаешь, что ты здесь делаешь?".

"О, я только хотел присесть и повеселиться", - отвечал парень.

"Извини, приятель. Только не здесь. Тебе придется уйти".

Но если заходил кто-либо, интересный моему отцу, он тут же подбегал и организовывал столик. Патрулирование столиков ставило меня в неловкое положение. Я, конечно, не хотел, чтобы за столиками сидели чужаки, но я считал, что мой отец мог быть добрее и вежливее. Особенно когда пьянчуги и неудачники входили в одно и то же время, он мог быть настоящей задницей. Но он был отличным катализатором, чтобы сводить

интересных людей вместе. Если Кейт Мун или ребята из Led Zeppelin или Элис Купер были в городе, он сидели с Пауком, потому что он был самым классным парнем в клубе.

Мы тусовались в «Rainbow» большую часть ночи. Он не оставался за столиком все это время, только до тех пор, пока не вернутся его дружки, чтобы занять столик, а затем они вертели около барной стойки или уходили наверх. Мне всегда нравился клуб наверху. Всякий раз как одна из подружек моего отца хотела танцевать, она приглашала меня, т. к. мой отец был плохим танцором.

Ночь не была полной без кокаина, наблюдать, как тайным способом принимали кокаин, было отличным развлечением. Опытных любителей кокаина было легко узнать по острому ногтю на правой руке. Они отращивали ноготь в среднем на пол дюйма, придавали ему идеальную форму, в основном он служил мерной ложечкой для кокаина. Мой отец ужасно гордился своим ухоженным "кокаиновым" ногтем. Я также заметил, что один из его ногтей был явно короче, чем все остальные.

"Что случилось с этим?" - спрашивал я.

"Это чтобы не поранить дамочек снизу, когда я использую для этого палец", - ответил он. Боже, это застряло в моем мозгу. Его палец был знаком с "киской".

Я был единственным ребенком, знакомым со всем этим безумием. По большому счету, взрослые, которые не знали меня, просто меня игнорировали. Но Кейт Мун, легендарный барабанщик The Who, всегда старался, чтобы я чувствовал себя свободно. В хаотичной, бурной, тусовочной атмосфере, где все кричали, шумели, нюхали, выпивали и трахались, Мун находил время, чтобы успокоиться, взять меня под свое крылышко и сказать: "Как поживаешь, малыш? Развлекаешься? А ты разве не должен быть в школе? В любом случае, я рад тебя видеть". Это всегда поражало меня.

Обычно мы оставались вплоть до закрытия, до двух ночи. Затем наступало время для сходки на автостоянке, которая была полностью забита девчонками и парнями в забавной одежде в стиле глэм-рок. Тусовка на автостоянке состояла в обмене телефонами, охоте на "пташек" и поиске места для продолжения вечеринки. Но иногда она становилось сценой для перебранок, в которые чаще всего был втянут мой отец. Он бросал вызов шайке байкеров, а я играл роль малолетнего паренька, пробирающегося в эпицентр разборки и говорящего: "Это мой отец. Он слишком измотан сейчас. Чтобы он ни сказал, не обращайтесь внимания и простите его. Он не имел это в виду. И, пожалуйста, не бейте его по лицу, т. к. ребенку, вроде меня, очень больно смотреть, как его отца избивают".

У меня действительно было ужасное предчувствие, что мой отец в конце концов пострадает в драке или в автомобильной аварии. Ночью он был настолько под кайфом, что попытка пересечь комнату превращалась в номер из водевиля, где парень спотыкается, падает и еле-еле стоит на ногах. Он натыкался на мебель, пытаясь держаться за что-нибудь устойчивое, мямлил слова, но все еще собирался забраться в машину и поехать на вечеринку. Я думал: "О черт, мой отец не в состоянии говорить. Это плохо". Когда он пил слишком много, я нес ответственность за его охрану, что было для меня нелегко.

Все это накладывало на меня эмоциональный отпечаток, но я не могу сформулировать каким именно образом. Хотя у меня были друзья в Эмерсоне, и по выходным я ходил с отцом в «Rainbow» как его приятель, я часто был один и стал создавать свой собственный мир. Мне приходилось рано вставать, идти в школу и быть парнем в своем личном коконе. Я не противился этому, т. к. у меня было пространство, где я мог притворяться, творить, думать и наблюдать. Однажды одна из соседских кошек привела котят, и я взял одного из тех пушистых белых котят на крышу горожа за нашим домом, чтобы поиграть. Он был моим маленьким другом, но иногда я бранил его, только чтобы показать свою силу над ним. Во время одной из таких тирад я начал тыкать пальцем в морду котенку. Это не было чем-то смертельным, но это был акт агрессии, что было странно, т. к. я всегда любил животных.

Как-то я ткнул котенка слишком сильно, и его маленький зуб проколол маленькую губу котенка, и по ней скатилась капелька крови. Я заволновался. Я почувствовал сильное отвращение к себе за то, что причинил вред этому крошечному животному, которое оставалось нежным ко мне даже после того случая. Я испугался, что моя неспособность остановить подобное поведение была знаком начинающегося психоза.

Но в целом, я бы не променял мой стиль жизни на какой-нибудь другой, особенно на светскую жизнь моих друзей из Эмерсона. Я бывал в их домах и видел отцов, приходящих домой из своих офисов, у которых не оставалось ни времени, ни энергии, ни сострадания для детей. Они просто садились, пили свой виски, курили сигару, читали газету и шли спать. Это была не самая лучшая альтернатива.

Попытки хоть немного поспать, чтобы на следующий день в школе чувствовать себя отдохнувшим, в то время как люди занимались сексом на диване, нюхали кокаин, слушали стерео, были определенно не светской реальностью. Но это была моя жизнь. В будние дни я оставался дома, но Паук сидел за своим привилегированным столиком в «Rainbow». И в половине случаев продолжение вечеринки было в нашем доме. Я спал дома, когда внезапно я слышал, как открывается дверь и поток безумцев наводняет дом. Затем начиналась музыка, смех, дележка наркоты и обычный погром в результате. Я пытался уснуть в своей дальней комнате, которая была соединена только с одной ванной, в которую входили-выходили люди, писая, крича и принимая наркотики.

Слава Богу, у меня был радио-будильник. Каждое утро в 6:45 он будил меня популярной музыкой. Обычно я еще крепко спал, но шел, спотыкаясь, к шкафу, надевал футболку, шел в ванную и собирался в школу. Затем я проходил по всему дому и оценивал беспорядок. Дом выглядел как поле битвы. Иногда на диване или стульях лежали люди. Дверь моего отца всегда была заперта. Обычно он спал с какой-нибудь девицей, но иногда он бодрствовал, закрывшись в своей комнатухе.

Одной из причин, по которым я лелеял свой будильник, был мой пунктик ежедневного посещения школы. Мне нравились почти все мои уроки. Мой отец поддерживал меня на 100 процентов во всех моих занятиях с таким же сумасшествием, серьезностью и удовлетворенностью, с какими жил своей ночной жизнью. Он тоже учился, и я думаю, он осознавал всю важность учебы и готовности впитывать новые идеи, особенно на творческих путях, которые были доступны. Каждый день он использовал какое-нибудь затейливое изотерическое словцо, чтобы я расширял свой словарный запас. Он также развивал мой литературные познания от Харди Боиз до Эрнеста Хемингуэя и других выдающихся авторов.

В школе я больше всего любил уроки английского. Моей учительницей была Джил Вернон, из всех, с кем я пересекался, она впечатлила меня больше всего. Это была миниатюрная женщина с темными короткими волосами, лет пятидесяти. Она действительно знала, как общаться с детьми, и все, о чем она говорила, что писала, читала, да что угодно, она умела превратить во что-то интересное, увлекательное и забавное.

Каждый день первые 15 минут урока мы писали дневник. Она записывала начальное предложение на доске, а мы должны были развить это предложение в любую понравившуюся тему. Некоторые ученики писали минут пять и останавливались, я же мог писать весь урок.

Миссис Вернон регулярно задерживала меня после уроков и рассказывала мне о писательском ремесле, потому что она видела, как я изливаю свою душу в этих эссе.

"Я прочитала все эти дневники, и должна сказать, что у тебя особый дар к сочинительству, я думаю, ты должен об этом знать и попытаться что-нибудь сделать, – говорила она мне. – Ты должен продолжать писать".

Когда ты в седьмом классе, и такая замечательная женщина тратит свое время, чтобы рассказать тебе о подобной идее, – это колокольчик, который не переставая звонил все последующие годы в моей голове.

Примерно в это же время прозвучал еще один звонок. Мой отец рассказал мне о своем первом сексуальном опыте, который был не из приятных. Он пошел в бордель в центральной части Гранд Рапидс. Все проститутки были чернокожими. Моего отца отправили в комнату, и несколькими минутами позже туда вошла женщина средних лет с небольшим животом. Она спросила, готов ли он, но он был так напуган, что выпалил: "Простите, но я не могу это сделать". А что сделал бы любой другой при таких обстоятельствах? Прийти в такое странное место и связаться с сомнительной личностью, которая не имеет к тебе никакого отношения, да и еще платить за это? Я думаю, что именно из-за своего первого опыта он хотел, чтобы мой оказался приятнее. Я только не знаю, представлял ли он себе, что мой первый раз случится с одной из его девушек.

Как только я переехал к отцу, мысли о сексе не покидали меня. В действительности, предвкушение, желание, влюбленность в это неизбежное событие обитали в моей голове за долго до того, как я приехал в Калифорнию. Но тогда мне было одиннадцать, почти двенадцать, и пришло время действовать. Девочки моего возраста из Эмерсона не хотели иметь со мной ничего общего. У моего отца постоянно были симпатичные девочки-подростки, о которых я не мог не мечтать, но я не мог решиться подойти к ним. Затем он стал встречаться с Кимберли.

Кимберли была симпатичной восемнадцатилетней девушкой с мягким голосом, рыжими волосами, белоснежной кожей и огромной, идеальной формы, грудью. Она была божественной, мечтательной личностью, для которой было типично твердо отказываться носить очки, несмотря на ужасную близорукость. Однажды я спросил, может ли она видеть без них, и она сказала, что без очков предметы очень нечеткие. Так почему она не носит очки? "Я просто предпочитаю видеть мир неясным", - сказала она.

Однажды, прямо перед моим двенадцатилетием, мы все были в «Rainbow». Я был высоко, как маленький воздушный змей, от куаалюда, я набрался смелости и написал своему отцу записку: "Я знаю, что она твоя девушка, но я совершенно уверен, что она подходит для моего первого раза, так что, ты нормально отнесешься к тому, если я займусь с Кимберли сексом сегодня?".

Он все устроил в один момент. Она была для него всего лишь игрушкой, поэтому мы пошли в дальнюю часть дома, и он сказал: "Хорошо, вот кровать, вот девушка, делай, что захочешь". Кровать моего отца послужила прекрасным началом, т. к. он нагромоздил четыре матраса друг на друга, чтобы получился эффект трона. По-моему это было слишком, я жутко нервничал, но Кимберли сделала все сама. Она направляла меня и была очень нежной и спокойной, и все это было по-настоящему. Я не помню, продолжалось ли это пять минут или час. Это был поистине неясный, туманный, сексуальный момент.

Это было забавно, и потом я никогда не чувствовал себя ущемленным, но я считал, что, подсознательно, это возможно было что-то, что всегда представлялось мне в дурном свете. И я не проснулся на следующее утро с мыслью: "Боже, что это было?". Я проснулся с желанием пойти похвастаться перед моими друзьями и выяснить, что нужно сделать, чтобы это случилось снова. Но это был последний раз, когда мой отец разрешил мне это сделать. Всякий раз, как у него появлялась новая девушка, я говорил: "Помнишь ту ночь с Кимберли? Что если...".

Он всегда прерывал меня. "Нет, нет, нет. Это было всего один раз. И даже не поднимай этот вопрос. Этого больше не случится".

Летом 1975 я впервые, с тех пор как переехал жить к отцу, поехал в Мичиган. Паук дал мне унцию чистейшего Colombian Gold, который находился на вершине пищевой цепи, когда дело касалось марихуаны, несколько сигарет с марихуаной и кусок ливанского гашиша. Это были мои запасы на лето. Естественно, мои друзья Джо и Найт пробовали наркотики впервые. Мы пошли в Пластер Крик, выкурили косяк и начали дурачиться, кувыркаться и смеяться.

Все лето я рассказывал людям об удивительной жизни в Голливуде, о многих интересных людях, которых я встречал, и о музыке, которую слушал и которая составляла коллекцию моего отца, от Roxу Music до Led Zeppelin и Дэвида Боуи, Эллиса Купера, The Who.

В июле того года моя мама вышла замуж за Стива. У них была чудесная свадьба под ивой во внутреннем дворике их деревенского дома в Ловелле. Я почувствовал, что у мамы и сестры Джули дела идут хорошо. Я вернулся в Западный Голливуд в конце лета, желая побыстрее возобновить свой калифорнийский стиль жизни и вернуться к тому, кто станет моим лучшим другом и соучастником в злодеяниях на следующую пару лет.

Впервые я встретил Джона Эм в конце седьмого класса. По соседству с Эмерсон находилась католическая школа для мальчиков, и бывало мы дразнились через забор. Однажды я забрался туда и вступил в схватку с каким-то парнем, который утверждал, что владеет карате. Наверное, он учил только теорию и не имел представления об уличных драках, т.к. я надрал ему зад перед всей школой.

Где-то на свалке я связался с Джоном. Он жил выше по Роскомар Роуд в Бел Эйр. Хотя район находился в городе, за его домом были горы и гигантский резервуар с огромным водопадом, который перетекал в другой резервуар. Это была идеальная площадка для игр. Отец Джона работал в аэрокосмической компании, он был алкоголиком, поэтому в семье ничего не обсуждалось, не шло речи о чувствах, просто притворялись, что все хорошо. Мама Джона была милашкой, а сестра была прикована к инвалидному креслу.

В восьмом классе Джон стал моим лучшим другом. Нас объединяли скейтбординг и марихуана. Иногда мы могли достать марихуану, иногда нет. Но мы всегда имели возможность кататься на скейте. До известной степени, мое катание включало катание с целью перемещения и прыжки с тротуаров, с применением минимума мастерства, пока я добирался до нужного места; на самом деле, это было очень практично. В начале 70-х этот спорт развивался, и люди катались в канализационных трубах, вдоль набережной и в пустых бассейнах. Почти в это же время в Санта Монике скейтбордисты из Дог Паунд подняли скейтбординг на новый, полупрофессиональный уровень. Джон и я занимались этим ради забавы.

Джон был настоящим американским ребенком. Он обожал пиво, и мы часто околачивались около местного магазина, уговаривая взрослых купить нам пива. Выпивка не являлась моим излюбленным способом кайфа, но это был стимулятор, чтобы выйти из-под контроля и не знать, что может произойти.

Мы перестали просить людей купить нам упаковку пива и перешли к кражам. Однажды мы гуляли по Вествуду и увидели, как работники ресторана грузят ящики с пивом на склад на третьем этаже. Когда они отлучились на минутку, мы вскарабкались на мусороуборочную машину, схватили пожарную лестницу, взобрались по ней, открыли окно и взяли ящик Heineken, которого нам хватило на несколько дней.

Затем от кражи пива мы перешли к воровству виски из супермаркетов Вествуда. Мы заходили в супермаркет, брали бутылку виски, опускали ее в штанину, натягивали сверху носок и выходили немного прихрамывая. Виски был ужасным на вкус, но мы заставляли себя глотать его. Прежде чем мы успевали это осознать, мы теряли над собой контроль. Затем мы катались по округе, врзались в предметы и затевали шуточные драки.

В какой-то момент Джон решил вырастить свой собственный марихуановый сад, что, по моему мнению, было очень изобретательно. Затем мы поняли, что легче будет разыскать сады чужих людей и воровать их марихуану. Однажды, после недельных безрезультатных поисков, мы нашли участок, охраняемый собаками. Я отвлек собак, Джон украл марихуану, и мы отнесли эти громадные растения в дом матери Джона. Мы знали, что сначала их нужно просушить в духовке, но Джон боялся, что его мама вернется домой, поэтому я предложил использовать чью-нибудь чужую духовку, т. к. большинство людей в это время работали.

Мы прошли несколько домов, вломились, включили плиту и затолкали туда всю марихуану. Мы оставались там около часа, и хотя марихуана так и не просохла, мы узнали как легко вламываться в дома людей, и стали регулярно делать это. Мы не воровали телевизоры или драгоценности; нам нужны были деньги, прикольные вещи, или наркотики. Мы шарили по аптечкам, потому что к тому моменту я видел множество таблеток и знал, что искать. Однажды мы нашли огромную упаковку перкодана. Я никогда их не принимал, но знал, что они содержат самое сильное обезболивающее. Поэтому я взял ее, и мы вернулись к Джону.

"Как много мы должны принять?" - спросил он.

"Давай начнем с трех и посмотрим, что произойдет", - предложил я. Мы оба приняли по три таблетки и сидели без дела несколько минут, но ничего не произошло. Мы приняли еще парочку. Следующее, что мы поняли, был непомерный кайф, нам это понравилось. Но это случилось всего один раз. Мы никогда не принимали перкодана снова.

Наши маленькие успехи в мелких кражах ободрили Джона. Он жил через улицу от своей старой начальной школы и знал, что вся дневная выручка от буфета хранилась в сейфе и ночью находилась в морозильной камере. Оказалось, что за месяц до окончания шестого класса, Джон украл у вахтера связку ключей от школы.

Мы разработали план. Как-то ночью мы взяли маски, надели перчатки и дождались полуночи. Ключи подошли. Мы пробрались в буфет, подошли к морозильнику, сейф был там. Мы схватили его и побежали через улицу прямо в дом Джона. В его спальне мы открыли сейф и насчитали 450 долларов. Это было самое успешное дело, на которое мы когда-либо шли. Что теперь?

"Давай купим фунт "травы", перепродадим, а на разницу купим столько марихуаны, сколько сможем выкурить", - предложил я. Я был раздосадован отсутствием марихуаны и обязанностью чистить трубки, чтобы найти немного смолы ТГК (*тетрагидроканнабинол – активный компонент марихуаны, гашиша и некоторых других наркотиков*). Я знал, что у Алана Башары может быть фунт марихуаны, разбросанный повсюду, и он у него действительно был. К сожалению, это была дерьмовая марихуана. У меня была идея продавать ее в своем шкафике в Эмерсон, но это было слишком изматывающим, поэтому, в конце концов, я принес марихуану домой и продавал ее в своей спальне, постоянно роясь в мешке и выкуривая лучшие косяки. Я все же пытался продать эту дерьмовую марихуану паре наркоманов, живущих через улицу, но даже они ее забраковали. Когда они увидели коробку с перкоданом, то предложили мне пять долларов за таблетку. Я продал сразу всю коробку.

Кульминацией наших наркотических экспериментов в восьмом классе стали два "путешествия" под действием кислоты. Я не знал никого, кто бы принимал LSD; он казался наркотиком другого поколения. До сих пор, это кажется наиболее безрассудным опытом, который заключался не в кайфе и болтовне с девчонками, а в психоделическом путешествии в другой мир. Тогда я видел свою жизнь именно такой, путешествия в неизвестность, в закоулки мозга, в материальное царство, что было недоступно другим людям. Мы спрашивали всех вокруг, но никто из наших опытных друзей не знал дозировку кислоты. Когда я пришел в дом Башары за марихуаной, так случилось, что у него было несколько лент с двадцатью маленькими желатиновыми пирамидками, 10 ярко-зеленых и 10 ярко-красных. Я взял по паре каждого цвета и побежал домой к Джону. Мы незамедлительно спланировали два "путешествия". Первое должно было произойти на выходные. Мы оставили второе на тот момент, когда Джон и его семья поедут в свой дом на пляже в Энсенато, Мексика.

Мы начали с красной кислоты. Она была чистая и сильная, поэтому мы получили невероятный кайф. Мы как будто смотрели на мир через очки. Все было ярким и сверкающим, а мы превратились в паровые двигатели, пробегая сквозь леса, прыгая по деревьям, чувствуя себя неуязвимыми для любой опасности. Затем проявлялась возвышенная сторона кислоты, и мы могли управлять собой. Мы решили наблюдать за

семьями в их же домах, поэтому врываются в задние дворики и шпионили за домом через окно; поскольку мы были осторожны, мы были невидимы. Мы подползали к окну, наблюдали, как семьи обедают, слушали их разговоры.

Солнце садилось, и Джон вспомнил, что в тот день его отец возвращался из командировки, и он должен был присутствовать на семейном обеде.

"Я не думаю, что это хорошая идея. Они поймут, что мы под кислотой", - сказал я.

"Это мы знаем, что мы под кислотой, но я не думаю, что они смогут это понять", - ответил Джон.

Я все еще опасался, но мы пошли к нему домой, сели за стол и отобедали с его подвыпившим отцом, милой мамой и сестрой в инвалидной коляске. Как только я взглянул на еду, у меня начались галлюцинации, и я не мог даже подумать о еде. Затем я зачарованно стал наблюдать, как открывается рот отца Джона, и как оттуда вылетают большие слова. К моменту, когда родители Джона стали превращаться в зверей, мы оба смеялись, не переставая.

Не нужно говорить, что нам обоим это очень понравилось. Все было настолько прекрасным, запоминающимся и щедрым на галлюцинации, насколько мы могли себе вообразить. У нас были небольшие галлюцинации от марихуаны, когда мы могли видеть цвета, но ничего такого, где мы могли путешествовать в далекую галактику и внезапно понять все секреты жизни. Поэтому мы едва смогли дождаться нашего следующего "путешествия" в Мексике.

У предков Джона был замечательный дом на песчаном пляже, который простирался в бесконечность. Мы приняли зеленую кислоту утром, вышли на пляж и проторчали в океане семь часов, катаясь на солнечных бликах на воде, и на дельфины, и на волнах. Те два раза были лучшими "путешествиями", в которых я побывал. Позже казалось, что действительно хороший LSD перестали делать, и кислота стала менее стойкой и токсичной. Я часто впадал в галлюцинации, но никогда больше они не были такими спокойными и чистыми.

Однако я не имею в виду, что Джон был моим единственным другом в Эмерсон, потому что это не так. Но опять же, большинство моих друзей были чужими в социальной схеме жизни. Иногда у меня случайно возникало чувство "хуже-чем". Я был хуже, потому что я не был богат, как большинство других детей. Я также чувствовал себя аутсайдером, когда дело касалось девочек. Как и любой нормальный парень в период полового созревания, я застывал при виде любой "горячей" девочки, которая попадала в поле моего зрения. А в Эмерсон их было полно. Они были богатыми маленькими начинающими примадоннами с именами вроде Дженнифер или Мишель. Их облегающие джинсы Ditto были множества пастельных оттенков и творили что-то действительно невообразимое с их юным подростковым телом. Обрамляли его, делали более стройным, придавали ему правильную форму, идеально упаковывали его. Поэтому я не мог оторвать от них глаз.

Но когда бы я ни подошел к девчонке и ни попросил ее потусоваться со мной, она отвечала: "Ты шутишь?". Они были прелестными, сексуальными, но они были снобами. Все те девчонки хотели иметь парня на пару лет старше или парня с машиной. Для них я был уродом, которого следовало избегать, я ненавидел это. То чувство уверенности и надежности, с которым я жил в другой моей жизни, клубной и тусовочной, где чувствовал себя свободно и мог общаться, просто терялось при девочках из моей средней школы. Они не давали мне повода для уверенности - за исключением Грейс.

Перед тем, как рассказать об аномалии по имени Грейс, мне следует вернуться назад и возобновить нить моей сексуальной истории. После моей связи с Кимберли, у меня не было контактов с женщинами около года. Но почти одновременно с моим первым опытом, я, благодаря National Lampoon's Photo Funnies, открыл для себя искусство и удовольствие мастурбации. По каким-то причинам, мой отец не касался вопросов мастурбации. Он знакомил меня с каждой самой маленькой частью женской анатомии, но

никогда не говорил, что если мне требуется сексуальное удовлетворение, то я могу получить его самостоятельно. National Lampoon вдохновил меня разгадать эту тайну.

Все эксперименты прошли однажды днем в моей спальне. Я не слишком запаздывал в физическом развитии, но отнюдь не был из ранних. В течение первого месяца, когда я уже был способен получить оргазм или эякулировать, мне стало ясно, что я могу использовать фотографии, чтобы дойти до конца. Удивительно, но я не пользовался огромной коллекцией Плейбоя и Пентхауса моего отца. Меня привлекала натуральность девушек из Lampoon, сам факт, что девушки не позировали, чтобы казаться сексуальными. Они были просто настоящими обнаженными девушками. Вскоре после этого я начал злоупотреблять любым журналом, какой мог найти; особенно в средней школе, когда стало настоящим соревнованием знать, сколько раз ты мастурбируешь в день, и какой стимул тебе для этого нужен, и какие приспособления ты привлекаешь к процессу. Но это было значительно позднее.

Примерно в это же время мои гормоны взбесились, однажды ночью приключилось замечательное событие, когда за мной присматривала Шэр. Я был в восьмом классе и время от времени тусовался с Сонни и Конни, и по какой-то причине им нужно было задержаться, и Шэр вызвалась присмотреть за мной ночью. Мы расположились в ее спальне, несколько часов болтали по душам, действительно подружившись.

Вскоре пришло время ложиться спать. Шэр повернулась ко мне и сказала: «Ладно, пора спать. Смотри, это будет твоя половина кровати, а это моя». Я напрягся - не то, чтобы я собирался предпринять что-нибудь, просто не давала покоя сама идея, что я в постели с таким прекрасным созданием. Но я решил, что все будет хорошо, потому что мы были друзьями.

Шэр встала и пошла в ванную, чтобы подготовиться ко сну. Дверь в ванную она оставила широко открытой. В спальне было темно, но в ванной горел свет, и я наблюдал, как она снимает одежду, притворившись, что засыпаю. Это было женское обнаженное тело, вытянутое, стройное, особенное и просто возбуждающее. У меня не было особого повода хотеть физических отношений с ней, но в моей голове это сложилось в стимулирующий и почти невинный момент. Через некоторое время она вернулась в комнату и забралась в кровать обнаженной. Я помню, как подумал: "Нет ничего плохого в том, что я лежу рядом с этой прелестной обнаженной женщиной".

Следующая женщина, которая повысила мое сексуальное образование, была также старше меня. Бекки была бывшей девушкой Алана Башары. Ей было около двадцати-четырёх лет, миниатюрная и симпатичная девушка с восхитительными вьющимися волосами. Она тоже сидела на куаалюдах. Я приходил к ней с поручениями, а она принимала несколько людов, мы вваливались в ее Фиат и ездили по городу. К концу дня мы приходили домой под кайфом и дурачились. Наши встречи превратились в настоящий инструктаж для меня, т. к. она показывала мне, как правильно удовлетворить девушку. Однажды она даже попросила помассировать ей ягодицы. "Вау, я бы никогда до этого не додумался!" - изумился я.

В восьмом классе я занимался сексом крайне редко. Но даже тогда я не знал ни одного подростка, который бы трахался. Все мои друзья были обречены оставаться девственниками еще несколько лет, поэтому я получал удовольствие, когда приходил на следующий день в школу и говорил друзьям: "Эй, я провел эту ночь с девчонкой". Их реакцией было "Ого, невозможно поверить". Они удивились еще больше после моей связи с Грейс в Эмерсоне.

Все началось, как и большинство моих сексуальных связей в то время, с куаалюда. Точнее, с половины люда. Я принес луд в школу и поделился с Джоном. Мы договорились встретиться во время ланча и обсудить, как это – быть под кайфом в школе. К четвертому уроку я был в полной отключке. Я был на уроке журналистики вместе с симпатичной девушкой по имени Грейс, которая была очень физически развита для девочки четырнадцати лет, особенно для японской девочки. Я знал, что она испытывала

ко мне влечение. Внезапно я обезумел. Я спросил учителя, могу ли я взять Грейс для задания и побродить вокруг, чтобы найти материал для статей в школьную газету. Я был настойчив, потому что был под кайфом и чувствовал, как животное воздействие куаалуода проходит через меня. Учитель сказал: "Хорошо, только пообещайте, что вернетесь к концу урока".

Мы с Грейс вышли из класса и прошли по коридору прямо в мужской туалет, в старую превосходную большую уборную, построенную в 30-х годах, с большим количеством кабинок, высоким потолком и огромным окном. Я начал играть с ее грудью и целовать ее, ей это нравилось. Я был под кайфом, а она нет, но она была также возбуждена, как и я, и также хотела этой связи. Как только я начал удовлетворять ее пальцем, в уборную зашел маленький ребенок, увидел нас в кабинке, закричал и убежал. Вместо того, чтобы запаниковать и все прекратить, я решил найти более укромное место. Поэтому мы побродили по кампусу и нашли коммунальное помещение за одним из строений. Мы немедленно разделись и набросились друг на друга. К моему удивлению, она точно знала, что ей нужно делать. Как только я кончил, я остановился, но поскольку я был тинейджером, мой член все еще стоял. Она мгновенно опустилась на колени и начала делать мне минет, и я снова кончил. Я был поражен, как она догадалась сделать это? Мы оделись и побежали в класс, все время хихикая. Как только пришло время ланча, я рассказал обо всем друзьям, они завидовали и с трудом могли говорить. Для меня это был еще один день на посту, потому что я делал то, что хотел.

В июле я вернулся в Мичиган и провел там обычное лето, расслабляясь в лесу, на озерах или в персиковых садах, стреляя из моего ВВ пистолета, тусуясь с Джо и Найтом. Но когда лето закончилось, мы с мамой решили, что мне следует остаться в Мичигане первый семестр девятого класса. Моя мама была беременна третьим ребенком и хотела видеть меня рядом, чтобы я мог почувствовать связь с малышом. Т. к. мама и Стив жили в Ловилле, в пригороде, мне пришлось ходить в школу в городе с населением около двух тысяч жителей.

Большинство детей не признавали меня. Все популярные мальчики, бритоголовые сыновья фермеров, называли меня "девчонкой", Голливудом и "педиком", потому что у меня были длинные волосы. Когда начались занятия в школе, я приходил в разной одежде, с разными стрижками и разным поведением, а эти тюки сена хотели убить меня за это. Единственным утешением были девочки, которые ценили меня немного больше. В тот семестр я подцепил горячую латиноамериканскую блондинку по имени Мэри, которая была победительницей конкурса длинных и шелковистых волос от L'Oreal на Среднем Западе. Она была симпатичной и на год старше, но наши отношения так и не переросли в бурный роман, как мне хотелось. Вместе мы проводили большую часть времени, держась за руки и ласкаясь, она позволяла мне трогать различные части своего тела, но никогда не доводила дело до конца. Может, она просто смеялась надо мной, т. к. я был младше и на две головы ниже ее.

3 октября 1976 мама родила мою вторую сестру, Дженнифер Ли Айдема. Это было счастливое время, между Стивом, Джули, мамой, новым ребенком и Эшли, нашей собакой, образовался настоящий маленький союз. Скрепляя узы с Дженни, я с пользой проводил время со Стивом – он был лояльным ко всем моим поступкам.

Когда во втором семестре я вернулся в Эмерсон, я заметил изменения. Когда я уезжал, я был главным в королевстве отщепенцев и неудачников. Но когда я вернулся, я превратился в Тони Как-Тебя-Там? Это были новые дети, которые сидели на марихуане, а некоторые из них носили бородки. (У меня еще не было ни единого волоска). Поэтому я придумал новый образ. Я собирался стать актером, главным образом потому, что мой отец занимался этим.

Паук всегда интересовался актерским мастерством. К тому моменту он начинал уставать от жизни Бога Сансет Стрип. Он был сыт по горло наркотиками и кордоном из людей, штурмующих его дом в любое время суток. Поэтому когда Ли Страсберг открыл

филиал своего института в Лос-Анджелесе, мой предок решил записаться. После занятий он приходил домой взволнованный методом игры, тренировкой памяти и всеми этими новыми концепциями. Казалось, это слишком замысловато для понимания.

Как часть своего плана по началу новой жизни, мой отец обрезал длинные волосы. Внезапно он стал похож на странного, скользкого типа из фильмов 30-х годов. К тому времени ко мне стали придираться, т. к. длинные волосы больше не являлись признаком бунтарства и индивидуальности, поэтому я подстригся и поразил всех своих одноклассников новым имиджем. Когда мой отец начал носить двубортные пиджаки в розовую полоску, черно-белые туфли-лодочки и белые футболки без пуговиц с забавными галстуками, я сразу же приобрел такую же одежду. Теперь пришло время записать меня в школу актерского мастерства. Я посещал детские занятия под руководством Дианы Хал, они были потрясающими. Нас научили, что нужно играть, а не просто притворяться: ты должен побывать в шкуре героя, которого играешь.

После нескольких месяцев занятий, мой отец просто огорошил меня. Он собирался изменить свое имя Джон Кидис на Блэки Дэммет. В своей фамилии он соединил имя и фамилию одного из своих любимых актеров, Дашиела Хаммета. "Какое сценическое имя ты себе хочешь?" - спросил он меня. Будучи солидарным с отцом, я сказал: "Ну, какое-нибудь имя с фамилией Дэммет, потому что я твой сын". Так появился Коул Дэммет. Понимаете? Коул, сын Блэки.

С того дня его знали как Блэки, и профессионально, и лично. Не Джон, не Джек, не Паук. Но у меня было две разных индивидуальности. Я никак не мог отделаться от имени Тони в школе. Да и в моей семье не собирались называть меня Коулом. Но Блэки называл. Чаще называл, чем нет, т.к. всегда был в роли.

Когда наши имена устоялись, пришло время завести агентов. Отец нашел агента для себя, а затем получил рекомендации на детских агентов для меня. Ее звали Тони Кельман, она была самым крутым детским агентом во всем Голливуде. К тому времени я уже снялся в кино. Роджер Корман снимал трилогию по фильму «Love American Style» под названием «Jokes My Folks Never Told Me». Это была наиболее существенная картина 70-х с участием симпатичных обнаженных женщин. Режиссер учился с моим отцом в UCLA и однажды он заглянул к нам. Я открыл дверь.

"Я пришел к твоему отцу", - дружелюбно сказал он.

Я не знал этого парня, и конечно не знал о его отношениях с отцом, поэтому вытянулся на все свои 5 с чем-то футов и прошипел: "А кто ты такой?"

На языке тела я говорил: "Я надеру тебе задницу, если ты попытаешься войти, и пусть я всего лишь ребенок". Он был настолько поражен моей самонадеянностью, что задействовал меня в двух эпизодах в роли задиры, рассказывающего пошлые шутки на уроках.

В это же время меня пригласили для участия в двух детских программах. Конечно же, в обеих программах я изображал плохого парня. Но это была работа. И довольно прибыльная. Мне открыли счет в банке отца, и когда я открыл чековую книжку и увидел там несколько штук баксов, для меня это был шок.

Я был нарасхват, проходя всевозможные кастинги. Однажды я сидел дома у Джона, когда позвонил Блэки и сказал, что меня взяли на роль сына Сильвестра Сталлоне в фильме «F.I.S.T.», его следующим фильмом после «Рокки». Я был так взволнован, что выбежал из дома, вопя и напевая саундтрек к «Рокки», задрал руки. Я был уверен, что стану суперзвездой, потому что играл со Сталлоне, хотя у меня с ним была всего одна сцена за обеденным столом.

Когда я прибыл на съемки, я подошел к трейлеру Сталлоне и постучал в дверь, считая, что мы должны сблизиться перед тем, как играть нашу сцену.

"Кто там?" - раздался хриплый голос из трейлера.

"Это Коул. Я играю в сцене, которую собираются снимать", - ответил я.

Он медленно открыл дверь. "Что тебе нужно?" - спросил он.

"Я играю вашего сына, поэтому я подумал, что нам следует уделить немного времени, чтобы я мог развить..."

Сталлоне перебил меня: "Нет, я так не думаю", - сказал он и огляделся в поисках родителей. "Кто-нибудь, заберите этого ребенка. Уведите его отсюда", - закричал он.

Мы снимали сцену, и когда я произнес свою большую реплику: "Передай мне молоко", камера не взяла меня крупным планом. Получилась "не-моргай-а-то-пропустишь"-роль, однако это была очередная сумма в банке.

Съемки в «F.I.S.T.» помогли, когда я пришел в Парاماунт на кастинг к фильму «American Hot Wax», фильм о Бадди Холли и DJ Алане Фриде. Это была масштабная картина, и я пробовался на главную роль, роль президента фан-клуба Бадди Холли. После общего кастинга, бесчисленных вызовов и даже теста на фотогеничность, все свелось к двум кандидатам - мне и самому ярком актере среди детей, Муси Драере. Я был уверен, что получу роль, т. к. Блэки делал все возможное, чтобы помочь мне войти в роль, разучивая все песни Бадди Холли, он даже купил такие же большие очки в роговой оправе. Поэтому, когда мне позвонила Тони и сказала, что я не получил эту роль, я был уничтожен.

Той ночью Конни взяла меня с собой к другу, и мы устроили настоящий наркотический кутеж: нюхали кокаин, курили марихуану, потягивали спиртное и говорили о том, как я их сделаю в следующий раз и стану самой большой кинозвездой в городе и бла-бла-бла, нескончаемая кокаиновая болтовня между парнем, который потерял роль всей своей жизни, девушкой, которая хотела помочь, но страдала сама, и парнем, который лишь хотел забраться в трусики к девушке. Это продолжалось до рассвета, когда кокаин уже закончился, что привело к реализму, и уже было не так хорошо. Химическая наркотическая депрессия спала, смешалась с неудачной действительностью и превратилась для меня в 24 отвратительных часа.

Несмотря на другие мои успехи, я был не самым дисциплинированным и прилежным учеником. Я кормился этим, я участвовал в этом, я набирался опыта, но я не посвящал всего себя этому миру. Веселиться с друзьями, резвиться в городе, кататься на скейте остались главными в моем списке. Получать кайф было самым главным.

До той ночи, когда Конни пыталась меня утешить, я уже успел узнать радости кокаина. Когда мне было тринадцать, Алан Башара зашел днем в наш дом на Палм и сказал отцу, что у него есть немного потрясающего кокаина. Нужно сказать, что в 70-х кокаин был очень сильным и чистым; он не был так напичкан химическими веществами как сегодня. Я уже полтора года наблюдал, как взрослые принимали его в нашем доме, поэтому сказал им, что тоже хочу попробовать.

Башара сделал для меня линию, и я втянул ее. Двадцатью секундами позже мое лицо онемело, и я почувствовал себя Суперменом. Это был такой расслабляющий эйфорический прилив, что я почувствовал, что вижу Бога. Я думал, что это чувство никогда не прекратится. Но, бац, оно начало исчезать.

"Эй, эй, мы можем принять еще немного?" – я обезумел. Но Алан должен был уйти, у отца были дела, и я оказался в заднице. К счастью, организму молодого парня не требуется много времени на восстановление. Часом позже я был в норме и развивал новые способности.

Итак, я влюбился в кокаин с первого взгляда. Я начал шарить по дому, чтобы посмотреть, не осталось ли чего после ночи. Часто оставалось. Лезвием от бритвы я скреб тарелки и чистил пустые стеклянные пузырьки и соединял остатки вместе, затем относил все в школу и делился с Джоном. Но мы всегда ждали конца занятий. За исключением той половины куаалюда, я никогда не принимал наркотики в школе.

Кокаин привел меня к героину. Мне было четырнадцать, однажды Конни взяла меня в Малибу. Мы приехали в дом дилера кокаина, где взрослые потребляли большое количество белой пудры из огромной кучи на журнальном столе. Я был там вместе с ними – обезьяна видит, обезьяна повторяет – и мы кайфовали, как могли. В какой-то момент они решили куда-то идти. К тому времени на столе осталась одинокая полоска на зеркале.

"Ты можешь остаться здесь, делай что хочешь, только не трогай эту маленькую полоску", - сказали они. Я улыбнулся и согласился.

Как только они закрыли дверь – оп – я втянул полосу. Когда они вернулись, то увидели что полоса "пропылесосена".

"Где полоса?" - спросил кто-то.

"Ну, я перепутал..." - начал оправдываться я.

"Нам лучше отвезти его в больницу. Он близок к передозировке." Все обезумели. Я не знал, что эта маленькая полоска была белым китайским героином.

Но я был в порядке. Я понял, героин мне нравится намного больше, чем кокаин. Мне было хорошо от кокаина, но я не чувствовал дрожи или невроза. Мои челюсти не скрежетали. Меня совсем не беспокоило, где достать еще кокаина. Я был как во сне, и мне это нравилось. Конечно, по дороге домой меня стошнило, но это продолжалось недолго. Я просто попросил Конни немедленно остановить машину, и шлеп, прямо из окна. Они внимательно следили за мной, полагая, что у меня остановится сердце, но ничего подобного не случилось. Мне понравился героин, но я не гонялся за ним.

К концу девятого класса, внешне казалось, что дела идут на лад. Блэки учился актерскому мастерству и действительно вживался в роли, иногда до пугающей степени. Он устроился в Hollywood Actors Theater, 99-местном театре, вниз по Голливудскому Бульвару. Играл ли он небольшую роль или главную, он с головой погружался в своего героя. Это требовало большой работы с внешним видом героя. Он стал настоящим мастером перевоплощений, меняя свой гардероб, прическу, очки, манеры и поведение. Он украшал свой текст картинками, заметками и вещами, которые символизировали его героя.

Проблемы начались, когда он начинал жить жизнью своих героев. Это достигло критической отметки, когда он получил роль трансвестита в Hollywood Actor Theater. Блэки совершенно не боялся реакции людей и был настолько поглощен этой идеей, что жил как трансвестит несколько месяцев. Он сделал свои фотографии в женской одежде и повесил их над камином, рядом со схемами, графиками и диаграммами, имеющими отношение к трансвеститам.

Затем мой скандальный, гетеросексуальный отец начал носить облегающие возбуждающие трусики, а все его хозяйство было заключено в нейлоновые колготки. Он носил топы и перчатки с кольцами поверх них. Его макияж был безукоризненным, вплоть до ярко-розовой помады. Он скакал по дому на высоких каблуках, сосал леденец и разговаривал как сумасшедший гей. Ситуация ухудшилась, когда он стал выходить на улицу в таком виде. Он ходил туда-сюда по Голливудскому Бульвару и разговаривал с незнакомцами.

Сначала я поддерживал его и гордился его отношением к искусству. Но в конце концов, я не выдержал. Мое мужское начало взбунтовалось. И однажды, когда он начал орать на меня из-за каких-то проблем в школе, я назвал его педиком. Как только это слово слетело с губ, мой отец замахнулся на меня. Он был быстр, но каким-то образом мне удалось увернуться от удара. Я тоже хотел ударить его, но на полпути осознал, что нехорошо проявлять насилие по отношению к собственному отцу. К тому времени он оттолкнул меня к книжной полке. Впервые мы противостояли друг другу. В конечном итоге, обошлось без кровопролития, но атмосфера была напряженной и неприятной. И что-то между нами уже не было как прежде.